

Сюй Но, напуганный увиденным, прижался к Чэнь Цзе и обеспокоенно спросил:

— Может, стоит их разнять?

Чэнь Цзе посмотрел на макушку парня, едва доходившую ему до плеча, и отметил про себя, что вихор на голове выглядит довольно мило. Он успокоил его:

— Не волнуйся, до смерти они друг друга не загрызут. У них это обычное дело.

Хоть со стороны и кажется, что они готовы стереть друг друга в порошок, на деле всё же оставляют противнику шанс на жизнь. Но слова Чэнь Цзе не принесли Сюй Но облегчения. В кармане дважды звякнул телефон. Открыв его, он увидел, что Шэнь Мо перевел деньги за завтрак и такси, а заодно спросил, как там Гу Цы.

Сюй Но нажал на кнопку затвора, запечатлел «место преступления» и отправил снимок Шэнь Мо. Тот, взглянув на фото, тут же переслал Сюй Но голосовое сообщение. Прослушав его, Сюй Но глубоко вздохнул, сжал кулаки и, набравшись храбрости, бросился разнимать дерущихся.

Чэнь Цзе перехватил его за запястье:

— Лучше не лезь, а то попадешь под горячую руку.

Сюй Но убрал его ладонь:

— Всё в порядке.

Он подошел к ним вплотную, нервно зажмурился и закричал:

— Отпустите!

Лицо Цинь Сяо уже побагровело от натуги, и он с трудом процедил сквозь зубы:

— Слы... слышал? Тебе... велено... отпустить!

Гу Цы свирепо уставился на него:

— Не отпущу!

Сюй Но понял, что выразился неясно. Он указал на Цинь Сяо:

— Я имею в виду — ты отпусти его. Ты схватил его за рану! Господин Шэнь сказал, что ему только что сделали операцию на руке, нельзя ее травмировать.

Оба замерли и синхронно уставились на Сюй Но. Оказавшись под прицелом взглядов двух красавцев, Сюй Но застенчиво опустил голову и включил запись от Шэнь Мо.

— Скажи Цинь Сяо, чтобы отпустил, он давит Гу Цы на рану. Разве он не знает, что тот только вчера перенес операцию? Если швы разойдутся и придется накладывать их снова, он что, не боится, что рука его брата станет калекой?

Слушая голос Шэнь Мо, Гу Цы не смог удержаться от улыбки — как же приятно, что о нем так заботятся. Он отпустил Цинь Сяо, выхватил у Сюй Но телефон и жалобным, капризным тоном начал жаловаться Шэнь Мо:

— Он съел завтрак, который ты мне купил. А я всё еще голодный, у меня болит желудок.

Цинь Сяо, наконец получив возможность нормально дышать, с отвращением посмотрел на манерное поведение Гу Цы:

— Ну и мерзость. Ты же сам просил меня выплюнуть этот завтрак? Думаю, сейчас самое время.

Сказав это, он сделал вид, что его тошнит над контейнером с едой.

Гу Цы презрительно фыркнул, забрал телефон и улегся на койку для сопровождающего. Именно там он вчера спал вместе с Шэнь Мо. Пусть запах его феромонов уже выветрился, но, лежа здесь, он чувствовал себя спокойно.

Шэнь Мо ответил:

— Попроси Сюй Но сходить вниз и взять тебе больничный паек. В это время в закусных возле школы уже всё равно ничего нет.

Гу Цы заупрямился:

— Больничная еда невкусная.

Шэнь Мо терпеливо пояснил:

— Даже если невкусная, всё равно нужно поесть — ты же говорил, что болит желудок. Поешь нормально, а в обед я куплю тебе свиные ребрышки в кисло-сладком соусе и курицу «три стакана».

Гу Цы радостно просиял:

— Хорошо, я буду послушным. Ты обязательно должен прийти ко мне в обед.

— Хорошо, мне пора в лабораторию, увидимся в обед, — ответил Шэнь Мо.

— Да, конечно, иди работай, — пропел Гу Цы, вложив в голос столько сладости, что, казалось, ее хватило бы на десяток десертов.

Чэнь Цзе стоял с таким видом, будто его поразила молния. Это точно их господин Гу? Его что, призраки захватили? Не иначе как превратился в ходячий «зеленый чай». Цинь Сяо и Сюй Но, привыкшие к подобным выходкам, лишь поморщились от легкой тошноты.

Гу Цы вернул телефон Сюй Но. Доев больничный обед, он не поленился сфотографировать себя вместе с пустой тарелкой и отправить снимок — напрашиваясь на похвалу. Но ответа не последовало: Шэнь Мо, скорее всего, всё еще был в лаборатории.

Чэнь Цзе принес ноутбук, и Гу Цы уселся на койку за работу. Цинь Сяо тоже был занят: сегодня ему предстояли переговоры с продюсером насчет нового фильма. Видя, что с Гу Цы теперь нянчатся помощник и сиделка, он решил вернуться в компанию.

Он встал перед дверью лифта и нажал кнопку вызова. Спустя минуту раздался звонок, и двери разъехались. Цинь Сяо замер, колеблясь, входить или нет, потому что в кабине стоял Се Линьюань. Только недавно они договорились больше не видеться, а не прошло и полдня — и вот они снова лицом к лицу. Заметив след на шее другого мужчины, Цинь Сяо не смог заставить себя оставаться невозмутимым, притворяясь незнакомцем в тесном пространстве лифта.

Се Линьюань оказался куда более прямолинейным. Его тон и выражение лица оставались равнодушными:

— Зайдешь?

Цинь Сяо покачал головой:

— Нет, я подожду следующий.

Когда двери закрылись, Цинь Сяо пожалел о своем решении. Почему он сбежал? Будто это его бросили, будто он до сих пор не может забыть этого человека. Он разозлился: неужели Се Линьюаню всё равно? Неужели ему неловко? Получается, всё это время он сам себя накручивал? Черт!

В лифте Се Линьюань глубоко вздохнул. Хорошо, что тот не вошел. Он вынул спрятанную за спиной руку и откусил кусок от уже начатого зеленого яблока. По дороге на работу он увидел фруктовую лавку, на вывеске которой красовалась надпись о свежем привозе яблок, и купил целый пакет, словно одержимый. Сам он фрукты обычно не жаловал.

Жуя яблоко, он подумал, что по вкусу оно всё равно проигрывает кое-кому другому.

Выйдя из лаборатории, Шэнь Мо взглянул на часы: до конца смены оставалось полчаса. Он позвонил в ресторан Дасуй и заказал обед. Увидев присланную Гу Цы фотографию, он невольно улыбнулся — «мило», — подумал он и нажал «сохранить».

Обычно Шэнь Мо обедал в столовой, а потом спал в комнате отдыха. Сегодня он обещал зайти к Гу Цы, поэтому пришлось пожертвовать сном, о чем он немного жалел — если уж у Шэнь Мо и было хобби, то сон входил в их число.

Доставка еды и Шэнь Мо прибыли в больницу одновременно. Забрав пакет у курьера, он вошел в палату и услышал шум воды из душа. Посреди дня — душ? У него же рана, ну что за вздор!

Он постучал в дверь:

— Хватит мыться, занесешь инфекцию!

Гу Цы полез в душ, боясь, что Шэнь Мо будет брезговать, если от него будет пахнуть больницей. Услышав окрик, он поспешно закончил, надел новую больничную пижаму — снова на размер меньше, неужели в больнице нет пациентов повыше? Волосы он сушить не стал, повязка на правой руке намокла: как он ни старался не мочить ее, брызги всё равно попали.

Увидев мокрого Гу Цы, Шэнь Мо рассердился:

— Весь в ранах, зачем полез в душ?

Гу Цы соврал:

— Я очень чистоплотный. Вчера не мылся, чувствую себя ужасно.

Шэнь Мо велел ему ждать. Он нашел медсестру, чтобы сменить повязку, а потом завел Гу Цы в ванную, усадил на стул и взял фен, чтобы высушить ему волосы:

— Даже если ты чистоплотный, не надо вести себя безрассудно. У тебя раны, потерпи несколько дней без душа. Если совсем невмоготу, попроси сиделку обтереть тебя или помыть голову. Я же плачу деньги, зачем делать всё самому?

Гу Цы теребил край одежды:

— Я не привык, чтобы меня касались чужие люди.

Шэнь Мо мягко перебирал его волосы кончиками пальцев, направляя поток теплого воздуха:

— Сейчас тебя касаюсь я, а не чужие.

Гу Цы поднял на него взгляд:

— Ты — не чужой.

От этого взгляда сердце Шэнь Мо дрогнуло. Ну и ну, парень явно умеет стрелять глазами.

Гу Цы принялся рассказывать: в детстве отец постоянно гулял, а мать пропадала на работе. Нянька в их доме была мастером притворства: перед родителями она распиналась, как усердно работает, а стоило им уйти, как превращалась в хозяйку жизни. Всю вкусную еду, которую мать покупала для него, съедала сама, а большую часть игрушек и одежды уносила домой.

Купала она его так, будто ощипывала поросенка, — было больно, а кричать не разрешала. Угрожала феном: если пикнет, обожжет его. Запрещала жаловаться, грозилась убить. Маленький мальчик, разве мог он ей противостоять?

А завтраки он перестал есть, потому что увидел, как она плюет в кашу. Этого он стерпеть не мог — лучше умереть с голода, чем есть то, что она приготовила. Через три дня он упал в голодный обморок в детском саду, и мать наконец-то нашла время побыть с ним. Нянька нагло врала, что он просто капризничает и объявил голодовку. Когда мать спросила его о причине, он, набравшись отчаяния, рассказал ей всё как есть.

Мать, разъярившись, вlepила няньке две пощечины и тут же сдала в полицию. В тот день он по-настоящему почувствовал, что мать всё ещё любит его — она поверила каждому его слову и заступилась. Но прошло всего несколько дней, и госпожа Хуан Суюнь снова с головой ушла в работу.

<http://bllate.org/book/21845/2265089>